

ОЛИВИЯ КУЛИДЖ

ПОПУЛЯРНАЯ
ИСТОРИЯ

Римляне

С. И. П. О. В. А. Р. Д.

Оливия Кулидж

Римляне

Текст предоставлен издательством «Центрполиграф»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=614695
Оливия Кулидж. Римляне: Центрполиграф; Москва; 2002
ISBN 5-227-01815-4

Аннотация

Занимательные рассказы о Древнем Риме и его гражданах, живших во времена Христа, Августа, Цезаря и Ирода. В них повествуется о традициях, быте и верованиях солдат, рабов, ученых и политиков, чьими деяниями было создано величие Римской империи.

Содержание

Вступление	4
Дети легиона	9
Феникс	36
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Оливия Кулидж

Римляне

Вступление

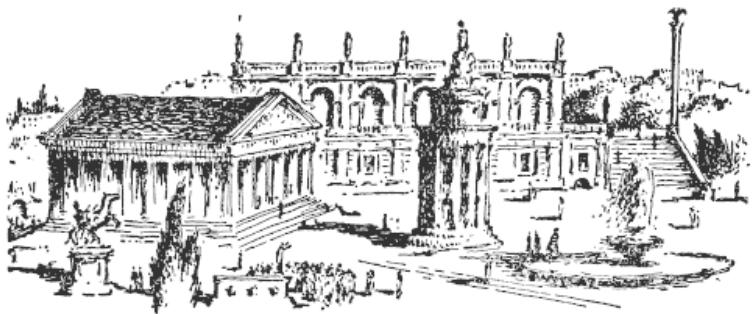
Кто же все-таки эти римляне? Строго говоря, это жители итальянского города, ставшего властелином мира, правившего всей Южной Европой, Малой Азией, Сирией, Египтом и Северной Африкой. Традиции римлян, их быт, одежда и верования берут начало в этом мегаполисе, огромном котле, в который стекались представители всех народов. Во времена величия Рима не нужно было быть римлянином по крови, чтобы жить в этом городе. Во-первых, римлянами считались все жители Италии. Во-вторых, римлянами постепенно становились представители аристократии всех подчиненных народов. Но такое правило распространялось не только на знать, но и на представителей более низких сословий. Каждый раб, освобожденный жителем Рима, в свою очередь становился римлянином. У него были еще не все права, но положение сына бывшего прислужника оказывалось ничуть не хуже аристократического. Таким образом, низшие сословия постоянно пополнялись трудолюбивыми жителями Рима, которые добивались успеха начиная с нуля. Это были, конечно, не римляне эпохи Цезаря, а всего лишь мелкие тор-

говцы, владельцы лавок и купцы. У нас сложилось впечатление о римлянах как о нации гордецов, говорящих на очень формальном языке, которого никто не мог понять, кроме них самих. Однако граждане древнего государства общались между собой и на других языках, включая очень плохую, «вульгарную» латынь.

В одном мы можем быть уверены: Римская империя заботилась о своих гражданах. Не будь этого, она не просуществовала бы сотни лет. Жаль, что сейчас мы знаем работы в основном Цицерона и Цезаря. Эти великие люди жили, когда римляне при помощи политики кнута и пряника, большей частью кнута, пытались удержать в своей власти обширные владения. Мы можем остаться под впечатлением, что римляне делали это ужасно негуманно, что отнюдь не верно по отношению к средним римлянам. Август, приемный сын Цезаря, сумел сохранить некое подобие республики, мудро

правил государством и контролировал внутреннюю политику. Единственными недовольными его мудрым правлением оказались старые римские аристократы, испытывающие ностальгию по былой неограниченной власти, но даже они были благодарны Августу за прекращение постоянных гражданских войн. Поистине наступил золотой век. Если мы хотим познакомиться с лучшими представителями римлян, то стоит обратиться именно к эпохе императора Августа.

Какими они были? Разными, так же как мы. Но было нечто, что их объединяло. Они были преуспевающими и считали, что в этой жизни нужно стремиться лишь к достижению богатства, не заботясь о том, что будет после. Многие мечтали разбогатеть, чтобы потом хвалиться своими приобретениями перед другими людьми. Все римляне владели рабами. Это накладывало отпечаток себялюбия и жестокости на самых лучших людей и вынуждало самих рабов мириться с такими моральными устоями. Конечно, легко осуждать

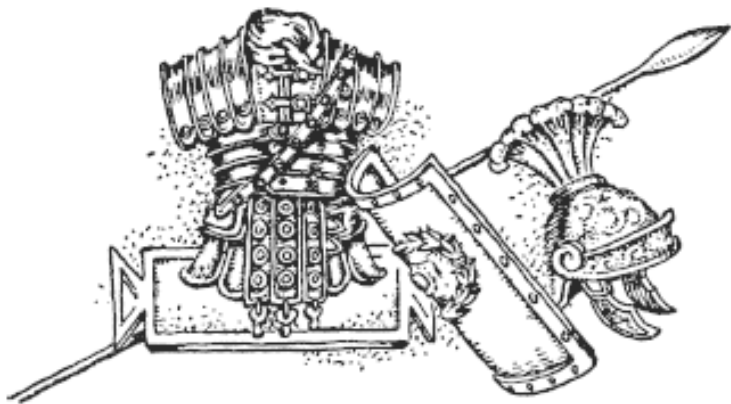
римлян за их недостатки, которые при подобном образе жизни были бы и у нас. Римляне обожали праздники и пиры. Они любили веселье, которое по нашим меркам приобретало отвратительные формы, однако мы только теперь можем понять, почему так происходило.

Жители провинций были верны своему родному городу. Немногие могли стать правителями империи. Люди повиновались власти и были ей благодарны, но питали привязанность к своему маленькому городку, где могли добиться стабильного успеха или способствовать росту всеобщего благополучия. Этим объясняется страстное желание людей быть увековеченными после своей смерти.

Мир Августа был тем миром, в котором появился на свет Иисус Христос, что делает Рим еще более привлекательным в наших глазах. Именно благодаря Риму произошло распространение христианства. С самого начала христиан жестоко преследовали, но еще больше им помогали. Немалой заслугой было установление мира в провинциях, через которые теперь могли спокойно путешествовать христианские миссионеры, распространение по всей империи различных языков. Но наибольшее значение имела возможность общения, смешение людей различных вероисповеданий между собой, в котором они преодолевали религиозные предрассудки и заинтересовывались новым учением. Все это происходило в дни Августа, еще до рождения Христа. Мир готов был принять новое учение.

Эта книга состоит из очерков, посвященных разным римлянам. Наверху социальной пирамиды – старый римский аристократ, безнадежно пытающийся сохранять римские нравственные ценности в меняющемся мире. Его бедный кузен, римлянин без гроша, но с хорошей родословной, слишком горд, чтобы работать, однако он не стесняется кланчить деньги и прислуживать богачу, тем самым зарабатывая на жизнь. На другой чаше весов представители низших сословий. Рабы зачастую не заботятся о внешних атрибутах, да им и не надо этого делать. Но вольноотпущенники обычно очень тщеславны и себялюбивы. Посередине находятся обычные граждане: торговцы, крестьяне и ремесленники, богатые и бедные. Именно они безумствуют на скачках, в театрах и на гладиаторских боях. Мы встретимся и с героями некоторых этих зрелищ. Наконец, есть еще римляне, не проживающие в этом огромном городе, купцы и жители провинциальных городов. Далек на границах империи самые необходимые государству люди ведут жизнь, полную лишений, которая нечасто вознаграждается повышением по службе и жалованьем. Римская империя зависит от своих легионов и от мужества воинов. Когда эта сила иссякнет, Рим захватят и разграбят варвары.

Дети легиона

– Отряд напра-во! Кру-гом! – орал Ацер. – Стой!

Отряд остановился, и каждый солдат немного попятился назад, чтобы сохранять нужное расстояние между воинами. Для мечей и щитов требуется достаточно места, но все же не слишком много, ровно столько, чтобы правая рука могла свободно орудовать мечом под прикрытием соседа. Этот отряд находился в учении, и движения воинов были неловкими.

– Эй, ты, Примий! – рявкнул Ацер. – Закройся щитом! В чем дело?

Он подошел поближе и уставился на шеренги:

– Думаете, что вы солдаты? Нет, вы косолапые, самовлюбленные сыновья рабов и варваров, неуклюжие верблюды, мусор! Зачем вам стремиться вступить в легион, если вы не можете выровнять шеренги в простом маневре, который видели уже сто раз? Вы ни на что не годитесь!

Солдаты стояли с непокрытыми головами под теплым весенним солнцем, а Ацер бесчинствовал; затем его гнев сменился зловещим молчанием, и он начал прохаживаться между рядами.

– Эй, ты, Руфий! – внезапно рявкнул Ацер. – И это ты называешь щитом? И это твое вооружение? Где меч?

Руфий покраснел до кончиков своих огненно-рыжих волос:

– П-пожалуйста, Ацер, м-мама отняла у меня доспехи и сломала их. Она считает, что все это чепуха, эта муштра вместо работы. Она сказала, что легион не для нас, и я не смею ей перечить. Пожалуйста, Ацер, это не моя вина!

– Легион будет открыт для вас! – величественно произнес Ацер. – Разве не так, ребята? Если нас не призовут на германские границы, что ж, мы отправимся на Восток. В Сирии жители принимали римское подданство, лишь бы записаться в наши легионы. Моя мать рассказывала, что так было в Антиохии во время войн. Мы покажем им, какие мы солдаты! А ты, Руфий, знаешь наши правила. Нет оружия – нет и муштры. Убирайся!

Голубые глаза Руфия наполнились слезами. Шеренги со-

мкнулись.

– Посмотрим, что мне удастся раздобыть, – сказал ему Ацер. – Теперь можешь держать доспехи в моем доме. Сейчас уходи, а в следующий раз поглядим.

– Большое спасибо, Ацер!

Мальчишка помчался в сторону барачного поселка, где в грубых хижинах хозяйничали женщины. Ветераны легиона с помощью пары рабов вспахивали землю или открывали таверны, а торговцы приходили разузнать о ситуации по ту сторону Рейна.

Остальные мальчики продолжали маршировать на маленькой вытоптанной лужайке, выбранной Ацером только потому, что она была вдали от новой дороги, далеко от моста и города – это и спасало от любопытных и скептически настроенных жителей лагеря, которые не могли отказать себе в удовольствии поглазеть и сделать пару иронических замечаний. Большинство мужчин возвращались в поселок, предпочитая стряпню своих жен грубой овсянке. Им нужно было заштопать тоги и штаны, нарубить дров, накопать дерна для крыши и заняться другими делами, с которыми трудно было справиться женщинам без помощи рабов. Однако иногда попадались солдаты, отставшие от своих частей. Двое из них как раз в ту минуту лежали на холме под прикрытием кустов и лениво глазели на упражняющихся на солнце ребят.

– Кто это? – спросил коренастый крепыш, указывая на Ацера. – Он думает, что родился центурионом?

– Вероятно. – Тот, что постарше, вырвал травинку и принялся жевать ее, сунув промеж редких передних зубов. – Помнишь Гельвия?

– Гельвия Цинна? – Крепыш передернул мощными плечами. – Клянусь великим Юпитером, я все еще ощущаю прикосновение палки этого негодяя. Как его можно забыть?

– Он был не очень старым, и хоть давал волю своим кулакам, но в трудную минуту ему не было равных. Он спас полк, когда нас отрезали фризы, и вернулся в лагерь раненный копьем в бок. Но не сдался.

Молодой человек кивнул.

– К тому же не брал взяток с тех, кто хотел облегчить себе службу. Я часто проклинал его, но как центурион он был хоть куда. Мне доводилось служить и при худшем полководце. Мальчишка на него не похож. Мне казалось, что Гельвий был самым уродливым человеком, которого я когда-либо видел.

Старший солдат вынул изо рта травинку, посмотрел на нее, отшвырнул в сторону и выдернул другую.

– Люблю пожевать травку весной. Молодой Ацер похож на свою мать, а она была настоящей красавицей. Гельвий подобрал ее, когда мы шли на восток. Бедняжка не смогла вынести суровой зимы и умерла на следующий год после старика Гельвия. Мальчишка зарабатывает на жизнь чисткой доспехов, смазыванием мечей и оказыванием мелких услуг другим солдатам, когда поблизости нет центуриона.

– Разве его не усыновила другая женщина?

Солдат пожал плечами:

– Они все германцы. Ацер нет. Ты же знаешь, как это бывает. А теперь двери легиона закрыты для него, потому что его мать не римлянка и не была замужем согласно нашим законам, как другие женщины.

– Впору заплакать! – презрительно сплюнул крепыш. – Не очень-то ему повезло!

– Подожди, пока у тебя появятся свои дети, – хмуро заметил другой, – сейчас Ацер муштрует моих. Поэтому я и пришел посмотреть. Почему бы им не вступить в легион?

– Ты слишком мягкотел, Басс. – Молодой человек развалился на траве под лучами яркого солнца. – Твои дети не римляне, а наемные войска и так переполнены...

Басс яростно фыркнул:

– Не говори глупостей! Ты можешь представить молодого Ацера с этими проклятыми германскими племенами или галлами? Они же прикончат его. Эти люди очень обособлены.

– И я тоже, – едко ответил молодой человек, лениво развалившись на земле, но продолжая зорко наблюдать за своим спутником. – Я недолюбливаю полукровок. Легион для римлян.

Пятнадцать лет в легионе, крошечное жилище, разделяемое с девятью другими солдатами, – настоящая школа, где легко научиться сдерживать свой гнев. Басс теперь был знаменосцем, мог бы стать центурионом, если бы в следующей

кампании полегло много солдат. Испортить все из-за нелепой стычки с властью было абсурдно. Басс уже прочувствовал всю несправедливость того, что его сыновьям отказано во вступлении в легион, в то время как его двери распахнуты для германцев и галлов, чьи отцы с семьями стали настоящими римлянами во время службы в рядах наемников. С трудом сдерживая раздражение, Басс высказал свое мнение вслух.

– Не нам оспаривать решения легиона, – был ответ. – Этому прежде всего учат рекрутов. Но конечно, за пятнадцать лет можно и забыть!

– Тебе бы только с ослами реветь, – едко ответил Басс, с негодующим видом поднимаясь на ноги, – но возможно, тебе и это не под силу. А я пойду дам им несколько советов.

Молодой человек тоже поднялся:

– Я передам в лагере привет от тебя и скажу, что ты явишься со свеженькими рекрутами, так что им лучше поосторониться.

Случилось так, что за несколько недель до того, как легион сложил свои летние палатки и оружие, чтобы перебраться за реку, в лагерь просочились слухи о занятиях Ацера с мальчишками. Легионеры всегда были не прочь поболтать о самых незначительных вещах, потому как ни муштра, ни тяжкий труд, ни военные упражнения не могли отвлечь их от безрадостных будней. Совсем другое дело летние кампании. А зимой солдаты всегда искали, чем бы развлечься. Они

принялись радостно обсуждать эти детские учения, а центурионы тщетно пытались пресечь разговоры. Мелкие кражи обмундирования сурово наказывались, однако у всех детей все равно были грубые сандалии, подбитые гвоздями. Доспехи и мечи сооружали из отдельных частей. На плечи всех отцов легла дополнительная нагрузка, потому что им приходилось тщательно скрывать свою помощь детям. Посторонний, непривычный к порядкам в легионе, мог подумать, что он разобщен и находится на самой грани мятежа. Однако старые воины заверяли, что он просто рвется в бой, поэтому херускам и другим германским племенам лучше поостеречься. Ветераны полагали, что солдаты зря теряют время, помогая мальчикам.

– В легионе запрещено жениться, – поговаривали они, – по крайней мере официально. И ничего тут не попишешь.

– Но почему? – вопрошал молодой человек, давно уже влюбленный в белокурую дочь одной из женщин легиона.

– Потому что мы не какие-нибудь ничтожные наемники, – отвечал ветеран. Затем хрипло откашливался и сплевывал. – Женщинам все равно, как выходить замуж, но в легионе запрещены официальные отношения. Все ради дисциплины. Вот так-то.

У полководца было такое же мнение.

– Что за чушь, – орал он на легата, – насчет детей из города, которые хотят вступить в легион? Антония вчера ездила посмотреть на них и говорит, что они вооружены настоящим

оружием из наших запасов, а наш знаменосец лично обучает их.

Легат отложил в сторону обглоданную куриную кость и вытер пальцы салфеткой, оттягивая время. Все любили жизнерадостную очаровательную жену полководца.

Однако присутствие впечатлительной женщины в рядах грубых легионеров влекло за собой немалое смущение. Полководец был прирожденным солдатом, влюбленным в свою жену.

– Господин, вы же знаете, как солдаты ведут себя весной, – тянул время легат.

– Замечательно, – отрезал военачальник, – но мы подрываем дисциплину. Легионеры не могут жениться. Потом они будут просить своих жен переселиться к ним в хижины. Стоит хоть раз пойти на уступки – и конец дисциплине. Я серьезно говорю, что пора прекратить весь этот вздор, иначе я выгоню женщин и детей из города.

Дело зашло слишком далеко. Легат, который непосредственно отдавал приказы легиону, понимал серьезность этого вопроса, чего, вероятно, не осознавал командующий армией на Рейне.

– Я прикажу каждому центуриону составить список людей, – сказал легат, – я не оставлю этих несчастных с войсками гарнизона. И с вашего позволения отсрочу день перехода реки. Если другие легионы...

Полководец и легат углубились в технические детали при-

ближающейся кампании, позабыв о детях. Летняя кампания была частью великого плана полного подчинения племен внутренних районов страны, конечной целью которого являлось продвижение к Эльбе и укрепление границы.

Не прошло и десяти дней, как легион начал нагружать повозки тяжелыми щитами и доспехами. Изогнутые войсковые трубы дали сигнал сбора. Шесть тысяч пар грубых сандалий зашагали по дороге к мосту под звяканье медалей на груди ветеранов, постукивание мечей на правом боку, ритмичные движения копий над головами. Тяжелые мешки с запасной обувью, шанцевыми инструментами и трехдневными пайками висели на палках за плечами солдат. Впереди вышагивал знаменосец, высоко держа сверкающего римского орла, в шлеме, поверх которого была надета голова волка с оскаленными зубами. Позади несли маленькие знамена. Длинные трубы и горны качались на плечах легионеров, двигаю-

щихся к мосту. Бравые военачальники ехали рядом, белые плащи развевались на ветру. Мужественные загорелые лица были с надеждой повернуты к серой реке, мосту, непроходимой чаще. Никто не оборачивался. Топот кавалерии, скрип колес, крики погонщиков, дикие песни наемников смешивались в рев, который постепенно превращался в слабое бормотание и таял вдали. К полудню легион уже переправился на далекий берег, и теперь его можно было разглядеть только по солнечным бликам на железных щитах. Позади быстрый Рейн качал мост, а земляные форты по обеим берегам выглядели совсем покинутыми.

После ухода войск наступило разочарование. Город опустел, ведь в нем не было своей жизни, он существовал только благодаря легиону. словно притягиваемые невидимым магнитом, в пустующий город стекались полчища странствующих варваров. Они переходили через мост и бродили по берегам реки, разнося слухи. Сам облик города изменился, потому что многие женщины, смирившись с судьбой, постепенно вернулись к своим родным языкам и укладу своих предков. Лагерь совсем опустел. Антония, которая могла уехать в более оживленное место, все еще жила в доме полководца, и ей помогали слуги и стражи. Командующие более высокого звания оставили в городе своих рабов. Они вместе со священнослужителями легиона, калеками и несколькими сотнями гарнизонных войск составляли все население лагеря и с помощью наемников охраняли мост. Тем време-

нем легион уже растворился в непроходимом лесу, прорубая путь для своих повозок там, где старые дороги уже поросли деревьями и кустарником. Вожди племен вооружали своих воинов копьями, чтобы в решающий момент объединиться против общей опасности. Женщины и дети скрывались в лесу, уводили туда скот, а деревни постепенно разрушались. Вести о предстоящей битве уже разносились по всему лесу. Так шли недели.

Никто не был так взволнован продвижением легиона, как Ацер. Это была настоящая жизнь. Боевые товарищи его отца с грубоватой нежностью относились к Ацеру, а у его матери вообще никогда не было друзей в городе. Среди мальчишек он, несомненно, занял прочное место заводилы, но теперь впервые он вместе со всеми разделял невзгоды и опасности пути. Мальчишки были избалованы. Если бы их военные учения прошли незамеченными, как надеялся Ацер, он мог бы проводить их все лето, да и всю зиму тоже. Прославленные отцы этих ребят вели тяжелую, но полную великолепных подвигов жизнь, и не хотели никакой другой. Однако детей обласкали, отлично обучили, снабдили настоящим оружием, чуть не на руках носили. И затем за одну ночь легион подготовился к настоящей войне. Внезапно наступившее равнодушие к детскому отряду было поразительно, и нелегкие учения потеряли все свое величие. Дяди и двоюродные братья мальчишек, служившие в рядах наемников, были не такими уж плохими воинами. Некоторые из них являлись

даже вождями племен. Другие были длинноволосы, носили штаны, захаживали в город и сплетничали с женщинами.

– Сомкнуть ряды! – приказал Ацер, смерив отряд угрюмым взглядом. Нельзя было не заметить, что детская армия изрядно поредела, а обмундирование выглядело уже потрепанным. Но Ацер не обращал на это внимания, потому что инстинкт подсказывал ему, что малейшее недовольство с его стороны может породить бунт. Однако нельзя было проявлять слабость и потворствовать нарушению дисциплины. – Завтра в поход. Приготовьте паек и оружие. Придется преодолеть десять миль.

– Десять миль по жаре с таким грузом! – возмутился Примий. – Это слишком для нас. Правда, ребята?

– Только половина груза для самых младших, – огрызнулся Ацер. – Как обычно. Закрой-ка, Примий, свой большой рот. Ты еще не центурион.

– А почему бы и нет? – с вызовом произнес Примий. – Я больше тебя.

– Верно! – поддакнул кто-то.

Несколько минут мальчишки и Ацер молча глядели друг на друга.

– Верно, неуклюжий болван! Почему бы и нет! – решительно произнес Ацер.

Он медленно шагал вперед, пока металлическая розетка щита со звоном не коснулась щита Примия. Темные глаза Ацера неотрывно глядели на красное лицо осмелившегося

перечить ему мальчишки.

– Ты намного больше меня. Хочешь сразиться?

Ацер резко выбросил щит вперед, чуть не сбив Примия с ног. Хватило мгновения, чтобы вытащить меч.

Примий не был трусом. Никто из этих мальчишек не был трусом. Они привыкли к боли и, когда теряли терпение, могли поставить своему противнику синяк под глазом, разбить нос, вывернуть руку, но никогда не бились до последнего и не наносили намеренно удара коротким мечом, стоя на смерть. Примий не хотел умирать из-за такого пустяка. Он выронил щит и убежал, а за ним последовали несколько других ребят, навсегда простившись с отрядом.

Этот случай оставил в душе мальчишек горький осадок, а Ацер почувствовал тщетность своих стремлений, хотя и боялся признаться в этом даже себе. Старшие ребята вместе с мужчинами слонялись вокруг города и говорили на германских языках.

Тем временем битва в лесу состоялась и была выиграна легионом. Племена рассеялись, перекладывая вину за поражение друг на друга и предпочитая защиту собственного имущества борьбе за общее дело. Победоносный легион преследовал неприятеля по пятам, намереваясь встретиться с флотом на Эльбе и пробираясь сквозь непроходимую чащу по змеиным извилистым тропам. Вскоре в город начали просачиваться зловещие слухи. Племена снова объединились, причем передвигались очень быстро, сражаясь на своей зем-

ле; им не нужны были тяжелые повозки и земляные укрепления. Они знали все дороги, лес, поросшие деревьями овраги, непроходимые болота, укромные места. И к тому же они все были воинами. Им не хватало военной подготовки солдат легиона, и в открытом бою они не могли противостоять римлянам, однако на их стороне была большая численность и удачливость.

День за днем на лесных тропах слышались громкие крики и звон мечей и копий, ударявшихся о щиты. Путь легиона был отмечен телами убитых варваров и римлян, а раненые стонали в повозках, по оси завязших в грязи, беспомощно вращая колесами. Оглобли сломались, лошади пали, и повозки приходилось тянуть людям. Длинное копье варвара было намного более нескладным оружием, чем римский дротик или короткий меч, но летело оно дальше, и многие римляне пали в битве, пронзенные им. Шел дождь, который то здесь, то там гасил костры, солдаты промокали до костей, а разбивка лагеря на ночь превращалась в бесконечное сражение с грязью. Даже у легата не было своей палатки, потому что их пришлось выбросить после того, как повозки завязли в лесу. Скоро истощился запас дротиков, но яростная битва ни на миг не стихала. Солдаты метались, как раненые звери, медленно отступая к проторенным тропам, полуразрушенным земляным укреплениям, открытым пространствам более дружелюбного речного берега. Сначала легион сражался полный уверенности, которая затем сменилась страхом, а

под конец отчаянием, потому что не было числа болотистым равнинам и обрывистым лесистым холмам. Однако дисциплина еще сохранялась в отрядах. Знаменосец все еще нес императорского орла, и, хотя сам был залеплен грязью до самой волчьей головы, венчавшей его шлем, орел блестел, как и прежде.

– Все это сплетни, – заявила Антония, поставив скамеечку для ног повыше, чтобы сидеть прямо, с высоко поднятой темноволосой головой. – Что могут знать эти варвары и почему мы должны доверять им? Невозможно потерять целый легион. Я этому не верю.

Антонии было легко говорить, но младший командующий лагеря совсем пал духом. Лабений был молодым человеком, которого семейная традиция вынудила заниматься делом, ненавистным ему. Товарищи постоянно задевали его глупыми шутками и дразнили болваном. Начальство в отчаянии попыталось избавиться от него. Наконец легат оставил Лабения в покое, признав его бездарем и передав под опеку более опытному воину, который, к несчастью, вскоре умер. Падший духом Лабений посчитал свою ответственность по отношению к любимой племяннице императора невыносимым бременем. Он начал искать убежища от своих бед в мрачном уединении.

– В городе появился торговец, – умирающим голосом докладывал Лабений Антонии, – который собственными глазами видел захваченное знамя. Нет сомнения, что наш легион

уничтожен. Какое ужасное несчастье! Госпожа, я бы послал за помощью в лагерь на Рейне, но весь город взбудоражен известиями. Один-единственный гонец, вероятнее всего, не сможет пробиться, а я не смею послать полк.

– Чушь! – негодуяще воскликнула Антония, пытаясь запугать Лабения. – Лабений, у нас полно войск. Не рассуждайте как болван.

Лабений густо покраснел от этого обидного слова.

– Это все наемники, госпожа, – пробормотал он, приготовившись защищаться, – я не доверяю этим германцам, им теперь известно, что с легионом покончено. Что им до нашего поражения? На их стороне много народу – и они в любой момент могут выступить против нас.

Антония прикусила губу. Эта версия казалась правдоподобной, и она остро осознала свое собственное невежество. Супруг Антонии не одобрил бы ее вмешательство в ход войны, особенно если бы она оказалась не права. Антония дрогнула.

– Что ж, – наконец произнесла она, в душе отказываясь от всякой ответственности, – вы должны принять меры, Лабений. Что вы предлагаете?

Лабений облизнул пересохшие губы, пытаясь найти ответ в сценах битвы на мозаичных стенах покоев Антонии. Он, без сомнения, предпочел бы услышать ее решение, но Антония была непреклонна.

– Ну же, – повторила она, сердито топнув ногой, – неуже-

ли вы пришли сказать мне, что у вас нет никакого плана и представления о вашем долге?

– Я даже не уверен в вашей безопасности, госпожа, – проворчал Лабений, – ведь в городе полно посторонних. Никогда не видел столько людей. Ужасно рискованно...

– Я не собираюсь бежать, – заверила его Антония, гордо вскинув голову, – не стоит об этом говорить.

На самом деле ее собственное положение встревожило Антонию, по крайней мере на какой-то миг, но не в ее правилах было бежать из лагеря, которым командует такой бездарный дурак.

– У меня есть стража, – продолжала она, – которая защитит меня. Но что намереваетесь делать вы?

Лабений, припертый к стене, утешался сознанием того, что госпожа одобрит даже его бездействие, лишь бы он остался. Приободренный такой мыслью, он чуть осмелел.

– Я разрушу мост. Это мой долг, госпожа. У нас недостаточно сил, чтобы защищать его. А если мы его потеряем...

– Если вы разрушите мост, – резко ответила Антония, – то обречете легион на смерть.

Лабений промолчал. Антония была права. Всю ночь он представлял рассеянные остатки легиона, отрезанные от города разрушенным мостом. Если бы только он мог доверять наемным войскам, если бы в городе не было полно всяких бродяг, если бы постоянно не просачивались слухи о гибели легиона, он попробовал бы рискнуть. Так утешал себя Лабений.

ний. Но допустим, он разрушит мост, а варвары разбредутся по всему городу, – невозможно предугадать, чем кончится эта катастрофа. Ядро армии все еще находится за Рейном. Полководец где-то на Эльбе. В Галлии нет войск. Ближайшее подкрепление на Дунае, но к этому времени может быть захвачена уже половина провинции.

Антония нервно крутила кольца на пальцах. Лабений опасался за свою жизнь, а она боялась за мужа. Если она примет неверное решение, то может погубить его. Друзий очень честолюбив и не простит ее. Она понимала, что окончательное решение должен принять Лабений – только в этом случае можно избежать гнева супруга. Антония была слишком отважна, чтобы предать легион из-за каких-то сплетен.

– Сколько у нас действующих войск? – наконец спросила она.

Лабений отвел глаза:

– Едва ли наберется три сотни, на которые можно рассчитывать, госпожа. У нас в лагере свирепствует дизентерия.

Антония пропустила последнее замечание мимо ушей. Три сотни солдат смогут удерживать крепости у моста в течение долгого времени, если ей удастся растормошить этого боязливого глупца и заставить его действовать. Антония почувствовала искушение перейти через мост со своей стражей и укрепиться в дальней крепости, но понимала, что солдаты ей не позволят. При мысли о легионе на темные глаза Антонии навернулись слезы.

– Когда вы начнете?

Лабений растерянно посмотрел на нее:

– Нельзя терять ни минуты, госпожа. С вашего разрешения...

Антония рассвирепела, не желая принимать на себя ответственность за гибель легиона.

– С моего разрешения? Действуйте без него или вообще ничего не предпринимайте. Разве я должна в этом участвовать?

Но Лабений не желал действовать в одиночку.

– Может, стоит отложить, госпожа? Возможно, если мы подождем еще день...

– Попробуйте, – согласилась Антония, схватившись за эту спасительную соломинку, – рискните.

Она слишком поздно поняла, что, подтвердив решение Лабения, тем самым одобрила весь план в целом. Лишняя отсрочка дала ей возможность лишь подольше посердиться на себя и представить гибель легиона из-за своей слабости, а не из-за нападения германцев.

День тянулся мучительно долго. Казалось, Антония одновременно провела его в двух разных местах. Часть ее расхаживала по внутреннему дворику, покрикивала на прислужниц, отталкивала в сторону тарелки с едой или приказывала играть музыку, которую совсем не слышала. Другая половина витала над поросшим лесом оврагом, слышала последние крики агонии легиона, разносимые повсюду насмешли-

вым эхом. Она видела людей, привязанных к деревьям, представляла легата на земляном алтаре с перерезанным горлом, смотрела, как младших командующих, составлявших ее собственную свиту этой зимой, забивали дубинками до смерти. Как и все женщины ее поколения, Антония часто видела смерть на арене, где сходились в смертельной схватке рабы или человек со зверем. Она настолько привыкла к жутким зрелищам, что они не преследовали ее, по крайней мере до этого дня. Но осознание гибели людей было невыносимой пыткой. Бесчисленные, давно, казалось бы, позабытые детали переносились на образы ее близких и знакомых. Антония представляла, как группа уцелевших солдат, возможно человек сто, в панике бежала через угрюмый лес, стремясь домой, но спасительный мост был уже разрушен. Антония сомневалась и боролась со своими сомнениями, с горечью осознавая, что у нее слишком мало власти, чтобы что-то изменить. Кто подчинится ей?

Антония приказала подать повозку, запряженную мулами, и позвать стражников и медленно отправилась вперед по дороге, потому что больше ехать было некуда. Над рекой качался мост, слегка поскрипывая на ветру. К далекому форту направлялся маленький отряд, вероятно, на смену часовым или с приказом прислать на берег оружие. На берегу собрались люди, с любопытством глядя на мост и волнующуюся воду. В толпе было несколько детей и мужчин. Ни на одном не было римской одежды, кроме Ацера, который одиноко си-

дел на бревне, словно в отчаянии подперев подбородок руками.

– Приведите сюда этого мальчика, – внезапно приказала Антония, – я хочу поговорить с ним.

Антония придерживалась общепринятого мнения – каждому человеку свое место, и не стоит пытаться подняться по общественной лестнице. Ей было не по душе честолюбие Ацера, но она все же наблюдала за учениями мальчишек, потому что это ее забавляло. Антонию поразила приятная внешность Ацера, которая, может быть, напомнила ей о ее старшем сыне, подающем большие надежды. Эта мысль была мимолетной, но теперь, глядя на Ацера, Антония отчетливо ощутила, как близок был ей по духу упрямый мальчишка. Не обращая внимания на различия в возрасте и социальном положении, она сразу спросила его:

– Ты высматривал легион?

Ацер застенчиво глянул на нее, испытывая благоговение перед такой знатной дамой и пытаясь вызвать ее симпатию. Его щеки вспыхнули, Ацер не знал, как себя вести рядом с Антонией, смущаясь ее дорогих драгоценностей и запаха духов.

Скромность придавала Ацеру особую привлекательность. Антония повторила свой вопрос, приподнявшись на локте так, чтобы ее тонкое напряженное лицо оказалось на одном уровне с лицом Ацера.

– В городе говорят правду о потерянном орле?

Глаза Ацера гневно блеснули.

– Я в это не верю! – Смущенный своей резкостью, он снова вспыхнул и попытался загладить сказанное в сердцах: – Это все варвары, госпожа Антония. – Ацер опустил голову, разглядывая упряжь мулов. – Варвары возбуждены и любят хвастать, госпожа Антония. Они разносят сплетни. Они могут болтать бесконечно, если почувствуют, что люди им верят.

Антония улыбнулась. Она не могла поверить, что легион жив, потому что так утверждает ребенок, но ей пришлось по душе его неистовая натура.

– Поэтому ты следил за мостом, на случай если легион...

Ацер покачал головой:

– Не легион, госпожа Антония. Он еще слишком далеко. Я смотрел на мост. Если его разрушат... – Ацер замолчал, и на его глазах показались слезы.

Антония была поражена:

– Кто тебе сказал, что мост собираются разрушить?

– Все говорят. – Мальчик сердито пожал плечами. – Госпожа, у нас полно солдат, которые целый месяц могут защищать крепость. А если в городе или в лагере случатся беспорядки, что с того, ведь легион вернется невредимым, а мост будут защищать?

«Не знаю, как этому помешать, – в отчаянии подумала про себя Антония уже в сотый раз. – Люди не послушают меня, что же делать?»

Неожиданно Антония поняла, что следует предпринять, и на ее лице появилось лукавое выражение, которое всегда так восхищало ее мужа. Схватив руку Ацера, который водил пальцем по борту повозки, она резко спросила:

– Если я скажу тебе, как вернуть легион, ты подчинишься мне?

Ацер впервые смело взглянул ей в глаза, хотя на его щеках еще не обсохли слезы. Возница был личным рабом Антонии, и на его преданность можно было рассчитывать. Остальная свита почтительно отвела коней в сторону, чтобы не слышать, о чем будет шептать госпожа. Однако они не сводили глаз со знатной дамы и незаконнорожденного мальчишки. Вот он кивнул. Антония кивнула. Оба засмеялись. Он что-то серьезно зашептал ей на ухо. Потом она что-то ему сказала и подала руку, которую он сжал своими грязными руками и даже не поцеловал. Свита Антонии не удивилась, потому что их госпожа была непредсказуема, но все равно не одобрила того, как Ацер небрежно махнул рукой уходя и как она ласково улыбнулась ему в ответ.

– Идите сюда, – позвала Антония, откинувшись на подушки, – мне сегодня совсем не хочется ездить. Как имя центуриона, отвечающего за эту крепость? А, да, он хороший солдат. А в дальней крепости?

На рассвете Антония вызвала одного солдата, и они вместе ждали появления Лабения, а потом – пока в дальнюю крепость отнесут пакет с вызовом для ее полководца. Ока-

залось, что Антонию интересует боевой дух солдат, что насторожило полководцев – почти ничего не было сделано для того, чтобы навести порядок в городе и прекратить сплетни. Оба центуриона были косвенно подготовлены к разрушению моста, полагая, что Лабений в любом случае потеряет его. Оба полководца оказались незаметными личностями, которые никогда не принимали участия в военных советах и неохотно высказывали свое мнение. Можно было до бесконечности продолжать бесплодные споры.

Пока полководцы тянули время, город не бездействовал. В серой рассветной мгле на берег стягивались толпы людей, чтобы наблюдать за разрушением моста. Раздавался плач женщин по погибшим мужьям. Однако многие стояли с бесстрастными, ничего не выражающими лицами. Мужчины собирались в маленькие группы и что-то обсуждали между собой. После долгого ожидания к дальнему форту направился гонец, и оттуда в последний раз раздались звуки труб. Словно по сигналу, дети ринулись по дороге к мосту во главе с Ацером; Примий нес знамя, маленький Руфий замыкал шеренгу девятилетних мальчиков, каждый из которых был облачен в коричневый военный плащ с кожаной нагрудной пластиной, на левом боку болтались настоящие кинжалы, на правом – мечи, а изогнутые щиты защищали маленьких воинов.

Жители города обменивались снисходительными улыбками. Хотя воины Ацера наделали много шума в городе, но у

моста их прежде никогда не видели. Матери с напыщенной гордостью выделяли в толпе своих сыновей, а мужчины грубо хохотали. Взрослые солдаты, охранявшие мост, никак не реагировали на приближение маленького войска. Но поняв, что Ацер направляется к мосту, они загородили проход.

– Мост закрыт, солдат, – сказал один из стражников, – лучше возвращайся домой к своей мамочке.

– У меня послание в крепость. – Ацер протянул пару табличек с печатью Антонии. – Откуда вы знаете, что мост собираются разрушить? Где ваш центурион?

Солдаты переглянулись.

– Верно. Мост еще пока не закрыт. Пропустим их. На другом берегу нужны подкрепления!

Люди на берегу засмеялись и представили, как разозлятся солдаты. Они были настоящими чудовищами, для них не представляло разницы, с кем сражаться: с ребенком или мужчиной. Они не понимали глупых шуток. Лучше не сердить их. Никому из солдат не был по душе предстоящий план, но многие уже начали подумывать, не означает ли длительная отсрочка каких-либо изменений. Заместитель полководца форта был всего-навсего трубачом, у которого в легионе служили двое братьев.

– Пусть проходят!

Дети строем взошли на мост почти в ту же минуту, когда на его дальнем краю показался гарнизон с ручными тележками и узлами. Это шествие было встречено оглушительным

хохотом солдат на берегу. Но некоторые матери встревожились.

– Они хотят, чтобы наши дети защищали крепость!

– Верните их!

– Грязные трусы!

На мосту разгорелась потасовка, в которую тут же ввязались некоторые свирепые варвары из города. Трубач тщетно пытался перекрычать вопли дерущихся. Его солдаты обнажили мечи. Наконец оба отряда встретились на мосту.

Заместитель полководца дальнего форта потом сказал, что у Ацера был приказ занять крепость, что вполне может быть правдой, хотя и не подтверждено достоверно. Он также заметил, что не мог преследовать армию детей, когда на пути встали эти проклятые варвары. Он увел своих людей с моста, и хорошо сделал.

Может быть, ему повезло. В любом случае, новое подкрепление положило конец беспорядкам. Сердитая толпа отступила на берег подальше от солдат, не переставая выкрикивать оскорбления. Неуверенный звук трубы перекрывал гневные вопли недовольных, словно грубый вызов из далекой крепости. Ацер успел укрепиться в ней.

Позже говорили, что ночью видели, как трубач переговаривался с Ацером. Трубач бесновался на берегу.

– Выгоните их оттуда, глупцы! Дети не могут делать нашу работу. А может, пусть охраняют форт, пока мы будем ломать мост? Как насчет этого?

Некоторые солдаты и мирные жители решили, что перед ними разыгрывается какое-то великолепное и славное представление, которое должно не только спасти мост, но и ослабить напряжение. Другие сердились, Лабений больше всех. Однако теперь не представлялось возможным выманить детей из форта. Угрозы уже не помогали. Демонстрация оружия вызвала со стороны крепости град дротиков и камней, и никто из солдат не хотел начинать настоящую битву. Лабения заставили принять решение выманить детей голодом, но даже это оказалось напрасным. Возможно, провиант тайно доставляли солдаты, хотя этого никто не видел.

– В любом случае, если дети могут удержать мост, то это можем и мы, – заметила Антония.

Несчастный Лабений похудел и выглядел совсем больным. Он отчаянно пытался предпринять что-то полезное.

– Да, госпожа, мы сможем удержать его и, может быть... Но у нас есть вести от легиона.

– Вести от легиона! – Антония чуть не задохнулась от радости. Внезапно душный грозовой день стал прохладен и свеж. Антония благосклонно взглянула на Лабения и почувствовала его полному краху. – Вы сделали все, что могли, и я позабочусь, чтобы об этом стало известно. Но эти дети спасли нас.

Лабению лишь оставалось согласиться.

– Да, госпожа. Эти дети спасли легион.

Феникс

Давным-давно жил человек, у которого было все. И бесценные изумруды, ограненные искусными руками. И хрустальные сосуды, серебряные, золотые и яшмовые чаши. У него были кресла, украшенные слоновой костью, и столы из редкостного сандалового дерева. Мозаичные полы, стены из цветного мрамора из Африки, Греции и с Востока. К обеду ему подавали рыбу, которая была не по карману даже самому императору, языки фламинго, мозги соловьев и другие восхитительные гастрономические шедевры, радующие не только желудок, но и глаз. Из отверстий в потолке на гостей сыпались благоуханные розовые лепестки. Богач восседал на подушках из китайского шелка, сделанных для него в Александрии, выкрашенных ослепительной алой краской из

Тираса и вышитых жемчугом. Ему прислуживали специально обученные рабы, некоторые из них служили для услаждения глаз, другие для забавы. Один раб напоминал хозяину имена его новых друзей, другой каждый час сообщал точное время, третий в жару отирал ему пот со лба тонким платком. Когда хозяин путешествовал, одни рабы несли его, другие бежали впереди, расталкивая толпу на римских улицах. Они писали за него, выполняли поручения, развлекали, делали все дела, следили за дворцами, огромными пастбищами, гаванями, торговыми складами. Рабов было так много, что богач даже не знал, сколько их в его огромном доме в Риме. У него было все это и еще многое другое. Он мог купить все, что пожелает.

Вы, вероятно, подумаете, что такому человеку должно все скоро наскучить, подобно тому, кто на пиру съест слишком много. Можно предположить, что он устанет от жизни и будет искать чего-то нового, но это не так. Каждый день, блаженно закрывая глаза, пока искусные руки рабов массируют и увлажняют его благовонными маслами, богач размышлял о своем богатстве, испытывая удовольствие. Каждую ночь он засыпал под вышитыми одеялами, с радостью думая о роскошных вещах, которыми владел, великолепных дворцах своих нахлебников, знатных друзей, которые злобно перешептывались за его спиной, но униженно искали его благосклонности, словно и у него были высокородные предки. И это почти правда, потому что он женил сына на

девушке из знатной, но обедневшей семьи. Богач часто говорил себе, что у него больше нет желаний и его ничто не пугает, кроме излишней полноты и стеснения в дыхании. Но раб, лечивший его, был настроен оптимистически, и он слишком дорого стоил, чтобы пренебрегать его мнением.

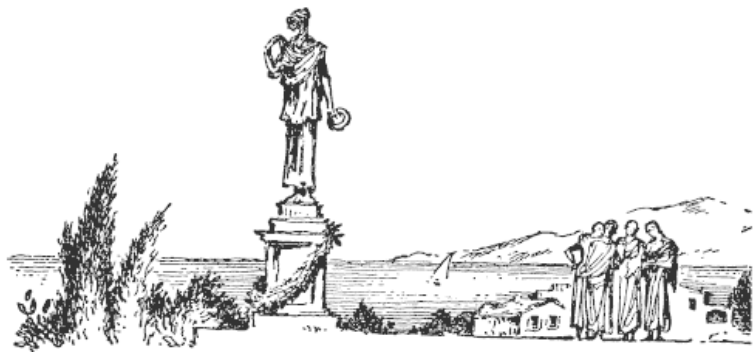
Причина удовлетворенности богача крылась в его прошлом, о котором он никогда не говорил вслух, но часто вспоминал. Правда в том, что когда-то он сам был рабом и не имел ничего, служа лишь игрушкой в руках жестокого хозяина. Его спина еще хранила удары кнута. Врач маскировал их, и богач всегда ходил в термы в одиночку, чтобы позорные следы никто не увидел.

Любовница бывшего раба освободила его и оставила все свое состояние; но даже в хорошие времена, когда хозяин уже умер и раб стал вести все дела хозяйки, у него по-прежнему не было ничего своего. Он униженно льстил этой толстой старой женщине, но теперь многое изменилось – он был богаче десяти таких женщин, и свободные люди пресмыкались перед ним.

По характеру богач не был жесток, но ему доставляло удовольствие держать рабов в страхе, как когда-то обращались с ним. Поэтому Марку, его личному слуге, приходилось часами стоять у двери спальни своего господина, приложив ухо к замочной скважине и взволнованно прислушиваясь к изменениям в размеренном храпе, к малейшему шуму или движению. В обязанности Марка входило без вызова появлять-

ся в спальне в тот самый миг, когда господин желал встать, и горе слуге, если он замешкается, что нередко случалось. Не составляло большого труда приказать высечь раба, поэтому лампа постоянно дрожала в руке Марка, когда он проскальзывал в покои своего господина. Однако в это утро старик проснулся со сдавленным криком, пытаясь избавиться от тяжести в груди, которая не давала ему дышать. Он не произнес ни слова, пока Марк раздвигал ставни, впуская в комнату солнечный свет, и щелчком пальцев призвал двоих кудрявых рабов-близнецов с ароматной водой, чтобы хозяин мог вымыть руки, и вином, чтобы он мог прополоскать рот.

– Лизий! – наконец проскрипел старик. – Уф! Приведите ко мне Лизия! – Он попытался приподняться на локте, но не смог. Ворча, он оперся на предусмотрительно подставленную руку Марка и выпрямился, так что его короткие ноги свесились с кровати. – Слышишь, ты, лентяй? Приведи моего предсказателя!

– Ваш раб уже побежал за ним, господин, – произнес Марк, который никогда не входил к старику, предварительно не расставив за дверями гонцов, готовых выполнить любую его прихоть, – а пока, если пожелаете...

– Дай мне вина! У меня пересохло в горле! – Старик сердито отхлебнул большой глоток и выплюнул вино на пол. – Ничего, рабы вытрут!

С недовольным ворчанием он позволил Марку привести в порядок его тунику, которую никогда не менял до полудня, и приказал ему достать из шкафа все плащи, какие только там были, в надежде, что какой-нибудь из них придется ему по вкусу.

– Зеленый! – наконец рявкнул он, прекрасно зная, что зеленый плащ был испачкан в вине и его нельзя было носить.

Предвидя это, Марк уже приготовил точно такой же плащ, а первый приказал слуге отвезти вычистить в Рим. Марк достал чистый плащ и раскинул его перед своим господином.

– Хозяин, – осмелился произнести слуга, заметив нетерпеливый жест старика, – ученый Лизий стоит перед вашими дверями, ожидая дальнейших приказаний.

– Пусть подождет, – проворчал старик, – и все-таки я надену коричневый. Я что, должен весь день сидеть здесь без сандалий?

Старик окунул руки в воду и вытер их о волосы рабов, отказавшись от полотенца. Его плохое настроение, бывшее следствием сна, постепенно рассеивалось, как и сам сон. Все знают, что сны приносят удачу или несчастье, и пока воспоминания еще свежи, неплохо бы посоветоваться с умным человеком. Старик вскоре сдался, как и предчувствовал Марк.

– Хорошо, пусть Лизий войдет.

Лизий вошел в комнату без промедления, однако не выглядел запыхавшимся. Это был высокий человек с бородой и волосами, выкрашенными в иссиня-черный цвет. Он носил просторные белые одежды, а на груди – большой нефритовый орнамент с вырезанным на нем причудливым демоном с четырьмя головами и множеством рук. Лизий медленно и величественно склонил голову, словно бог, благосклонно внимающий молитве.

– Да сопутствует тебе удача, великодушный Феликс, не

зря ты наречен счастливым. Пусть все твои сны сулят счастье.

В обязанности Лизия входило предсказывать своему хозяину удачные дни, толковать сны, гадать по полету птиц, составлять гороскопы, читать линии на ладони и заниматься любимым видом предсказаний, какое только становилось модным. Он искренне верил в свое ремесло, которое изучал в Александрии, где магия Египта и учения Греции странным образом переплетались с восточными тайнами, холодящими кровь. Однако, невзирая на свои нелепые верования, Лизий был отнюдь не глупцом. Он понимал, что от него ждут не только лести, но и ободрения. Потому не жалел денег и платил Марку и доктору-рабу, а также многим другим. Лизий знал, что можно сказать старику, а что утаить. Сейчас он ласково произнес:

– Когда я в одиночестве размышлял в своем саду, внутренний голос сказал, что меня зовет Феликс. И вот я здесь.

Старик пронзительно глянул на него, польщенно, но немного недоверчиво:

– Эти твои внутренние голоса! Какой в них прок, если они не могут привести тебя ко мне быстрее? Мне приснился такой сон! Я отчетливо помнил его, когда проснулся, а теперь почти забыл. Внутренний голос! Если бы он привел тебя к моей двери, когда я проснулся, от него было бы больше пользы.

– То, что ты забыл, уже не важно. То, что осталось, знак

свыше, – Лизий погладил свой амулет, обнажив резное ага-
товое кольцо, – но больше не трать время, иначе забудешь
все.

Старик поежился и протянул к Лизию руки:

– Я почти ничего не помню, кроме птицы, серебряной
птицы размером с человека. Помню, что ее перья светились,
так что мне пришлось закрыть глаза. Помню ее имя, кажется,
феникс, есть такая птица? Так я ее назвал...

Старик замолчал, увидев, что Лизий возвел к небу руки
и закатил глаза. Его рот принял форму буквы «О» от удив-
ления, которое было частично наигранным. Казалось, Лизий
потерял дар речи, а потом заговорил, задыхаясь:

– Феникс? О великая богиня Исида, о Осирис, о Феб! Ви-
деть во сне сказочную птицу! Видеть во сне величайшее чу-
до, которое появляется раз в сто лет и только в Египте. И он
еще спрашивает, что такое феникс!

– Очень хорошо, – продолжал старик, переходя прямо к
делу, – итак, в Египте есть замечательная птица по имени
феникс. Очень хорошо. Но что это значит?

– Откуда мне знать? – Лизий был искренно взволнован. –
Чтобы разгадать этот сон, потребуется помощь богов. Могу
только сказать тебе, Феликс счастливый, что это самая боль-
шая удача в твоей жизни. Это означает новый подарок судь-
бы. Посмотрим...

– Подарок судьбы! – Старик вытянул ноги и оперся о ло-
коть, пытаясь вспомнить, о чем он мечтает и чего не может

иметь. – Но у меня уже есть все.

Лизий лукаво глянул на старика:

– В золотые годы, когда Август закрыл храм бога войны, чтобы обозначить воцарение мира, именно тогда видели феникса. Говорят, те, кто увидит эту птицу, будут жить богато до тех пор, пока она не появится вновь, через сотню лет. Благородный Феликс, разве ты не достоин такого дара?

Если что и терзало старика, обладающего несметными сокровищами, так это подозрение, что его жизнь подходит к концу. Его постоянно беспокоила странная боль в груди, и даже успокоительные слова доктора не могли разубедить его. Он тут же ухватился за эту возможность, как и предполагал Лизий, но практичность не позволяла ему предаваться мечтам. Старик произнес:

– Но это не все. Мне приснилось, что серебряная птица села на мое плечо. Она была такая тяжелая, словно статуя из храма. Она придавила меня, слышишь, придавила! Я не мог дышать. Марк подтвердит, что я не мог даже говорить, когда проснулся. Я думал, что умираю.

– Тебя ошеломило нежданное счастье, – спокойно произнес Лизий. Доктор посоветовал ему не обращать внимания на жалобы старика на тяжесть в груди. – Видеть феникса! О любимец богов! Если бы это счастье было даровано мне! О счастливейший из смертных!

Дальше все пошло как обычно: Лизий остался наедине со своим волшебством и книгами, заявив, что для разгадки та-

кого необычного сна потребуется много времени. Он даже не присоединился к старику в его поездке из загородного дворца в Рим, потому что потом собирался примчаться к нему со всех ног и сообщить ошеломляющие вести. Именно таким путем Лизий набивал себе цену.

Старик был так богат, что хотя и совершал ежедневные прогулки перед наступлением жары, но всегда мог остановиться в одном из своих дворцов, где на зимних пастбищах паслись тысячи овец, которых рабы сгоняли с холмов с наступлением холодов. В другой раз он останавливался в имениях, управляемых рабами, где к праздничным столам выращивали павлинов, перепелок и жирных гусей и собирали мед к зиме. Большую часть года имения управлялись рабами, но старик всегда помнил, что только твердая рука хозяина обеспечивает прибыль. Поэтому он осматривал свиней, наблюдал, как доят коз, следил за сбором сена. Хвалил, бранил, обсуждал качество удобрений, погоду, урожай, оливки и, конечно, вино. Итальянские вина были известны всему миру, и купцы получали за них баснословную прибыль.

Повсюду до земли свисали тяжелые виноградные лозы, аккуратно прикрепленные к стволам вязов, повсюду готовились к сбору урожая. Был ежегодный праздник всех рабов, которые работали как скотина, не получая вознаграждения. Однако виноград собирали с песнями и танцами, то тут, то там пили дешевое вино и закусывали простой пищей. По такому случаю выдавали зимнюю одежду и порой освобождали из тюрем узников, чтобы они тоже могли присоединиться к празднику. Старикуну нравился этот обычай не из сочувствия к грубым рабам, а потому, что их тяжелая жизнь являла собой приятный контраст с его существованием. Поэтому, как только наступало время сбора урожая, он прерывал свою поездку, чтобы принять участие в празднике.

День угасал. Давильщики винограда, с забрызганными до бедер волосатыми ногами, исполняли дикие танцы на траве под пронзительный свист самодельной свистульки. Женщи-

ны бережливо собирали разбросанные крошки хлеба, оливки, луковицы и корки твердого козьего сыра, а маленькие дети, с раздутыми от обильного угощения животами и вымазанными в виноградном соке щеками, запихивали в рот куски вареной капусты, пропитанной восхитительным ароматом соленой свинины. Все смеялись, болтали на простонародной латыни и множестве других языков. Каждая лохматая девчонка, в которой только начинала просыпаться женщина, была, словно королева, окружена толпой поклонников.

Старик рано поужинал и теперь обсуждал дела со своим управляющим; его слух приятно услаждали звуки варварской музыки. Он даже кивал головой в такт хоровому пению и улыбался про себя, недоумевая, как он, кто был знатоком музыки и владел самыми талантливыми музыкантами, может находить удовольствие в примитивной дикарской мелодии.

– Это самая последняя партия рабов-германцев, – заметил управляющий, услужливо пытаясь развлечь своего господина, – один из них действительно неплохо поет. Это как раз он.

В такт монотонной мелодии сейчас пел один голос, довольно мелодичный на слух. В песне была печаль, но не плач, не смирение и не слабость, а странная трогательная мольба о чем-то недостижимом и прекрасном. Все это выразилось очень естественно в простейшей форме, где музыка вполне соответствовала стихам.

– Действительно неплохо! – согласился старик, оторвавшись от отчетов управляющего. – Естественно, он не имеет представления о настоящей музыке. Да и откуда? Но действительно неплохо. – Богач напряженно слушал, жестом приказывая замолчать взволнованному управляющему, который суетливо извинялся и пытался заставить певца замолчать.

Снова вступил хор. Старик пожал плечами и вернулся к работе. Однако через мгновение он оттолкнул кресло и сказал:

– Мы могли бы полчаса посмотреть на это веселье. Рабы будут завтра лучше работать, если сегодня хозяева окажутся в хорошем настроении.

– Я как раз хотел предложить это господину, – закивал управляющий, возбужденно потирая руки в стремлении угодить, – рабы будут вам благодарны. Они не такие уж дикари, уверяю вас.

Работники снова пели, но свистулька замолчала, и все собрались маленькими группками на траве, совершенно не проявляя грубых замашек дикарей. Не было слышно оглушительного смеха, не видно разудалой рукопашной борьбы, беготни, прыжков или настоящей драки. Даже дети молча сидели рядом с матерями, хор тихо и монотонно пел, а перед оливой, чей изогнутый ствол отбрасывал на траву могучую тень, танцевал человек.

– Это он, – прошептал управляющий, чуть не подталкивая

локтем хозяина, – выглядит странно, у него такие густые волосы. Почти белоснежные, а не соломенно-желтые. Они называют его Зигмундом или что-то в этом роде, но для меня это слишком. Я зову его Флавием. Волосы не рыжие, скорее серебристые на солнце. Мне кажется, этим пленникам всегда лучше давать простые латинские имена. Так у них не остается никакой надежды, и ими легче управлять. Кроме того...

– Замолчи!

– Прошу прощения, мой господин. Я только...

– Скажешь еще слово, – прошипел старик, – и я продам тебя, словно старую рухлядь. Дурак!

Все встало на свои места. Непрерывное пение хора являлось своего рода варварской поэмой, а танец переводил, объяснял значение слов. Подобными танцами уже увлекались на римской сцене, однако даже самые талантливые не могли сочетать красоту и легкость в равной мере. Возможно, великолепие этому зрелищу придавали заходящее солнце, серебристые волосы и необычное место. Старик даже потер глаза, словно для того, чтобы отогнать сон. Повернул прочь, коря свою глупость. Этот юноша будто парил в воздухе. Старику пришлось в голову, что он никогда не видел пантомимы, которая была бы ему непонятна, и теперь ясно представилась история пленения юноши духом дерева, его заточение в стволе оливы, разрывание связывающих пут и освобождение. Но однако какое странное место для гения! С таким же успехом можно найти прекрасную вазу в куче мусора, вазу тончай-

шей работы, стоящую целое состояние, если только она не разбита.

Но может ли такая ваза остаться целой? Разве на этой совершенной спине не остались следы бича, а руки не осквернили следы цепей? Этот идиот управляющий! Баснословная ценность этого прекрасного раба, при условии его безупречного обучения, почти ослепила старика. Странно, но Феликсу еще ни разу не приходилось любоваться чем-то действительно совершенным, таким, чему нельзя найти сравнения. Этот юноша уникален, а обладание им делает человека необыкновенным, возвышает его над другими людьми. Как он высоко подпрыгивает в воздух, будто парит, и опускается на землю легко, словно перышко! А этот голос, настоящее серебро, только не хватает мастерства. Но сколько огня и страсти!

– Приведите танцора ко мне!

Старик не захотел досмотреть танец до конца, он не думал ни о чувствах своего нового приобретения, ни о других своих рабах, которые в страхе сидели на земле, каждую минуту ожидая свиста бича над головой по прихоти хозяина. Стражники схватили молодого человека. Пение прекратилось. Люди поднялись на ноги, дети заплакали. Старик холодно оглядел раба, подмечая в уме каждую деталь: борода едва-едва пробивается, легкая, словно пух, цвет лица будет очень хорош, когда сойдет грубый загар и если увлажнить кожу специальными маслами. Черты тонкие, но не без изы-

щества, особенно в профиль. Голубые, взволнованные глаза. Родинка на левой щеке, ее можно замаскировать.

– Разденьте его и медленно поверните!

На теле ни одной отметины, к счастью для управляющего.

– Откройте ему рот!

Да, зубы белые и здоровые.

Старик знаком приказал стражникам вернуть юноше тунику и бесстрастно наблюдал, пока тот одевался. Богача удивило его необычное волнение, которое, казалось, уже привязало его к новому приобретению.

– Германец? – спросил старик, прикрывая волнение нарочитой грубостью тона. – Из какого племени?

– Эсты. – Странные голубые глаза смотрели с вызовом.

Один из стражников дернул юношу за ухо:

– Говори «господин», грязный раб! Отвечай уважительно!

– Оставьте его! – рявкнул старик. – Убирайтесь отсюда оба! – Он никогда не слышал об этом племени, неудивительно, что это неземное существо принадлежит к нему. – А другие?

– Хатты. – Юноша развел руки в стороны, жестом показывая, что эти два племени жили далеко друг от друга. Оно и к лучшему!

– Очень хорошо. А чем ты занимался среди своих эстов? Музыкант?

Юноша смотрел на старика с недоумением. Очевидно, его познания в латинском языке были более чем скромными, и

он то ли не понял вопроса, то ли подыскивал слова.

Старик медленно повторил:

– Кем ты был в своем племени?

– Я был воином! – Юноша гордо вскинул голову.

Старик удивился:

– Но ты же пел и танцевал!

Юноша презрительно пожал плечами:

– В нашем племени только воины.

– Гм... Что ж. А как насчет того, чтобы стать богатым и знаменитым? Больше никакой тяжелой работы, никаких наказаний, хорошая одежда, собственные рабы. – Старик тщетно пытался увидеть радость на лице юноши. – Я отвезу тебя в Рим, найму тебе учителей...

Юноша окинул взором сельские дома, заходящее солнце, примятую траву и своих товарищей по несчастью, грубых, грязных рабов. Он промолчал, снова пожал плечами и задержался взглядом на четырех германцах из чуждого ему племени, которые говорили на его родном языке.

– Я позабочусь, чтобы с ними хорошо обращались, – пообещал старик, – им будут давать легкую работу, поселят их в хорошем доме... Я отправлю их в Байи к своему садовнику. Тебя будут учить музыке, которой ты никогда и не слышал. Ты будешь жить так, как захочешь, будешь иметь все, что пожелаешь. Я дам тебе...

Но старик говорил напрасно. Молодой человек наморщил лоб, пытаясь подыскать нужное слово, и не обращал внима-

ния на обещания старика. Какое-то мгновение хозяин ждал ответа своего раба. Наконец тот заговорил:

– В Рим? Я буду свободным?

– Чушь! – Старик внезапно обозлился. – Эй, ты! – Теперь он обращался к управляющему. – Я завтра уезжаю. Посадить его в повозку вместе с другими рабами. Как ты назвал его?

– Флавий, хорошее латинское имя. Если бы я знал, что господин...

– Флавий! Слово простого рыжего варвара! Так не пойдет. – Старик снова подумал о серебряной птице и с внезапной уверенностью сказал: – Я назову его Фениксом. Пусть ночью в тюрьме выучит свое новое имя. Надеюсь, он поймет, кто тут раб, а кто господин. Уведите его.

Так в жизнь старика нежданно-негаданно вошел Феникс. Нужно было найти учителей греческого, латыни, пения, музыки, классического танца, даже мифологии и стихосложения. Нужно было составить распорядок дня Феникса, отобрать рабов, которые будут делать ему массаж, одевать его, придавать его внешности более цивилизованные черты, обучать его манерам, следить за его диетой. Кроме того, старик был озабочен отзывами учителей и тем, как воспримет Феникс свою новую жизнь.

Но учителя были в восторге, а Фениксу новая жизнь, кажется, пришлась по душе. Вокруг было столько прекрасного и неизведанного, так много новой музыки, столько новых знаний, что Феникс совсем не ощущал себя игрушкой в ру-

ках богача. Он очертя голову бросился в омут музыки и танца, которые даже в цивилизованном мире не потеряли былой прелести и очарования.

Феликс без усталости наблюдал за своим новым приобретением большей частью для того, чтобы отвлечь мысли от гнетущей тяжести в груди. Наконец доктору пришлось запретить ему жирную пищу. Не в состоянии принимать участия в пирах, богач перестал их давать, и его гостям приходилось обедать в другом месте. Странно, но богач чувствовал себя очень одиноким не из-за отсутствия друзей, а из-за недостатка внимания со стороны своих нищих нахлебников. Он каждый день наблюдал за танцевальными уроками Феникса, все больше убеждаясь в своем везении и наметанном глазе. Через пару месяцев все слуги поняли, что Феникс стал любимцем хозяина, не считая пары самых близких друзей.

Среди тех, кто ревновал к Фениксу, больше всех сердился Лизий, который оказался в тени из-за необычного сна хозяина. Наконец Лизий совсем потерял голову и передал одному из поваров яд, чтобы отравить Феникса. Но он не предполагал, что среди слуг всегда найдутся люди, готовые предать любого, лишь бы угодить хозяину. Лизий позабыл об этом, и его уличили. Привязанность старика к своему рабу, бывшему лишь безгласной игрушкой, обернулась ослепляющей яростью против Лизия. Слугам устроили пристрастные допросы. Начались пытки. Лизий, который был свободным человеком, не нашел лучшего выхода, как сбрызнуть свою слиш-

ком заметную бороду и бежать, оставив слуг и подарки, которые ему когда-то сделал старик. Он ничего не добился, зато лишился многого, но самой большой потерей для старика стало то, что он утратил уверенность в себе. Теперь богач относился к Фениксу еще более по-собственнически, боясь найти у него хоть малейший недостаток. Становится ли его голос грубее, или это только кажется? По-моему, сегодня он хуже танцевал. У него плохое настроение? Вместо того чтобы любоваться гибкими движениями юноши, слушать его с каждым днем все более крепнувший голос, Феликс принялся выискивать на лице раба выражение радости или недовольства. Феникс научился жаловаться и получать то, чего хотел.

– Мне хочется выйти. Я не могу танцевать в доме, когда весь лес покрыт ковром белых анемонов, а деревья зеленеют. Здесь тепло и пахнет городом. Я хочу в лес.

– У нас есть сад, – произнес Феликс извиняющимся голосом. – Он один из самых больших во всем Риме и самый лучший. Одни мои нарциссы...

– Деревья, подстриженные в форме животных! – презрительно рассмеялся Феникс. – Посыпанные гравием дорожки! Изгороди! Я хочу в лес!

В конце концов старик, прислуга, все учителя и рабы Феликса собирали вещи и переезжали на старую виллу старика, где Феникс мог ездить на муле или в сухую погоду танцевать на траве. Старик простудился и чуть не умер. Потом Феникс привязался к двум маленьким мальчикам, которые играли

на дороге, и захотел взять их в дом. Он задумал привезти их в Рим вместе с матерью, грязной работницей с фермы, которой нечего было делать в городском доме. Следующим капризом Феникса был большой изумруд, который он пожелал купить за любую цену, не имея ни малейшего представления о деньгах. Старик не очень заботился о капитале, но все же враждебно пробурчал:

– Неужели ты даже не благодарен мне?

– Очень благодарен, – холодно произнес Феникс. Но его глаза были устремлены на изумруд, а не на хозяина.

Теперь, когда его прихоть была удовлетворена, он танцевал со страстью и легкостью неземного существа, так что даже ревнивый глаз хозяина не находил к чему придраться. Веселье Феникса продолжалось до тех пор, пока он не увидел коня, которого во что бы то ни стало желал заполучить.

Старик похудел. Теперь его на прогулке поддерживали два раба. Однако зрение у него было по-прежнему острым. Когда Феникс опять загрустил, старик первым заговорил с ним.

– Что? – сурово отрезал он, снова указывая рабу на его место. – Что теперь? Чего еще ты хочешь?

На лице Феникса изобразилось изумление, в то время как слуги продолжали растирать его полотенцем.

– Хочь? Что я могу хотеть? – Он лениво пожал плечами. – У меня есть все.

Ответ был довольно резким и обидным.

– Но желания-то у тебя все равно остаются, – проворчал старик, – и ты продолжаешь просить. Иногда я размышляю, может, ты делаешь это нарочно, чтобы мучить меня. Если бы это было так, я раздавил бы тебя, словно муравья. Предупреждаю...

Феникс заставил отступить слуг и выпрямился, высокий и сильный; его красивое тело блестело, умащенное дорогими маслами, пышные волосы были уложены по последней моде, весь его облик был смягчен, осанка горделива, однако глаза по-прежнему глядели с вызовом. И никто больше не мог называть его варваром.

– Никогда не думал, что ты будешь журить меня за мои маленькие радости, но, если ты находишь их слишком дорогими для своего раба, забирай их. – Феникс сорвал с пальца изумрудный перстень и протянул его старику. – Запри его в своих сундуках. Прибавь его к своим бесчисленным сокровищам. Мне он не нужен.

Старик ничего не ответил, но почувствовал, как лицо покрылось потом, а по кончикам пальцев пробежал ток. Больше всего его бесило сознание того, что он не может заставить себя причинить вред этой красивой игрушке, швырнув ненужный ему изумруд в море. Владея половиной мира, он ощутил себя несвободным, рабом самого себя и Феникса. От этих горьких мыслей старику стало не по себе: он схватился за сердце и чуть не упал, хватая воздух посиневшими губами, пока рабы бегали за доктором и пытались влить в него

немного вина.

После этого случая старик несколько дней пролежал в постели. Однако вскоре он приказал отнести себя в комнату Феникса и весь день хмурый, не произнося ни слова, пробыл там. Погруженный в мрачное молчание, он пытался понять, в чем дело. Как подчинить Феникса, не сломав и не испортив свое произведение искусства? Цепи, пытки, голод оставят неизгладимый след. Старик хмурился, а Феникс лишь презрительно сжимал свои слишком тонкие губы и танцевал с показной неохотой. Наконец он вовсе перестал танцевать, притворившись уставшим. И тогда старик, как всегда, пошел на попятную.

– Ну хорошо, чего же ты хочешь? – Его вопрос потонул в усталом вздохе, и он смотрел на потолок, чтобы Феникс не узрел его поражения. Потому что старик заранее знал, о чем попросит Феникс.

– Не знаю, – Феникс пристально наблюдал за стариком, возможно желая насладиться его поражением, – мне ничего не нужно.

Старик кивнул:

– Вот именно, ничего. – И тихо добавил, словно размышляя вслух: – Тебе никогда ничего не было нужно.

– Это не изумруд, – мстительно произнес Феникс, – не лошадь, не мальчишки-близнецы. За них я просто танцевал.

Богач, сам бывший раб, вновь медленно кивнул и повернулся на подушках посмотреть на Феникса, скривив рот,

словно отведал горького плода.

– Если бы я дал тебе свободу, ты бы стал танцевать? Покаялся бы ты танцевать вечно?

Феникс с восторгом и надеждой посмотрел старику в глаза:

– Стал бы я танцевать? – Закинув голову и разведя в стороны руки в древнем, но уже смягченном цивилизацией жесте, он стал похож на атлета с поднятыми в молитве руками. – О, как бы я танцевал!

Не в правилах старика было давать что-то просто так. Поэтому тотчас были подписаны бумаги, на которых Феликс торжественно поставил свою печать. Иначе его проклянут боги, и свои и чужие. В бумагах говорилось, что Феникс должен продолжать изучать музыку и танцевать. Если по прошествии пяти лет он захочет уйти, то его желание будет удовлетворено. Старик втайне надеялся, что через пять лет Феникс станет таким богатым, знаменитым и любимым тысячами людей, что, несомненно, останется.

Феникс все подписал и поклялся. Свобода укрепила его любовь к музыке. Если он когда-то и думал о своей родине или друзьях, то не подавал и виду. Когда вольная была подготовлена, Феникса словно подменили. В его глазах уже не было вызова, и он танцевал, как бог, день за днем и пел подобно птице. Он больше ни о чем не мечтал, кроме музыки и поэзии. Радости и горести его соплеменников, их битвы больше не волновали его. Он, словно замороженный, говорил о зо-

лотых годах Греции и Трои, увлекая старика в эти легенды. Когда талант Феникса проявился с полной силой, то ослепил старика, заставив его позабыть про реальный мир. Старик возлежал на подушках, мечтая о славе, которой у него никогда не было, о несметных сокровищах, не принадлежащих ему, о морях и небывалых приключениях, о городах, возведенных не купцами, но романтиками. Так летели месяцы, пока в лесах вновь не зацвели анемоны и деревья не оделись листвой.

И вновь Феникс загрустил, на этот раз против своей воли. Казалось, он понимал, что совершает недозволенное, и пытался остановиться. Он часто стоял спиной к дверям своей комнаты, которая выходила на огороженный колоннами дворик, где росли кусты и раскинулся ковер фиалок.

– Ты хочешь туда. – Старик покачал головой, с грустью возвращаясь к будничной жизни.

– Вот сад, – произнес Феникс с прежней резкостью. Он оглянулся и втянул в себя воздух. – А вот двор.

– У нас есть вилла, – печально улыбнулся старик, – но тебе придется поехать без меня. Я не перенесу этого путешествия.

– Не хочу, – не согласился Феникс, – не хочу оставлять тебя.

– Хорошо, – буркнул старик, потому что был внезапно смущен новой мыслью. Тогда она не доставила ему радости, он начал размышлять над ней позже.

Он подумал, что Феникс говорит правду. Он привык к старику, развлекал его, пытался отвлечь от грустных мыслей, но все же с каждым днем пел и танцевал все хуже и хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.